

Мстиславскій и всея сѣверныя страны Цо-
велитель и Государь Иверскій, Карталинскія
и Кабардинскія земли и области Арменскія,
черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ на-
слѣдный Государь и Обладатель, Государь
Туркестанскій, Наслѣдникъ Норвежскій, Гер-
цогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, Стормарнскій,
Дитмарсенскій и Ольденбургскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всемъ Нашимъ вѣрнымъ под-
даннымъ:

Въ заботахъ о сохраненіи дорогого Серд-
цу Нашему мира, Нами были приложены все
усилія для упроченія спокойствія на Даль-
немъ Востокѣ. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣ-
ляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный
японскимъ правительствомъ пересмотръ су-
ществовавшихъ между обѣими имперіями со-
глашеній по корейскимъ дѣламъ. Возбужден-
ные по сему предмету переговоры не были,
однако, приведены къ окончанію, и Японія,
не выждавъ даже полученія послѣднихъ от-
вѣтныхъ предложеній правительства Нашего,
извѣстила о прекращеніи переговоровъ и раз-
рывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіей.
Японское правительство отдало приказъ сво-
имъ миноносцамъ внезапно атаковать Нашу
эскадру, стоявшую на вѣшнемъ рейдѣ крѣ-
пости Портъ-Артура. По полученіи о семъ
донесенія намѣстника Нашего на Дальнемъ
Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли воору-
женной силой отвѣтить на вызовъ Японіи.

Объявляя о такомъ рѣшеніи Нашемъ,
Мы съ непоколебимой вѣрой въ помощь Все-
вышняго и въ твердомъ упованіи на едино-
душную готовность всѣхъ вѣрныхъ Наши-
хъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ Нами на за-
щиту отечества, призываемъ благословеніе
Божіе на доблестныя Наши войска арміи и
флота.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ въ двадцать
седьмой день января, въ лѣто отъ Рожде-
ства Христова тысяча девятьсотъ четвертое,
царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственной Ею Император-
скаго Величества рукой подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Мѣстныя распоряженія.

— 18 января посвященъ въ стихарь псалом-
щикъ Залѣсской церкви, Ошмянскаго уѣзда, *Иванъ
Ленкевичъ*.

— 22 января на должность Дисненскаго бла-
гочиннаго назначенъ священникъ Дисненской Воскре-
сенской церкви *Николай Рабаловичъ*.

— 27 января священникъ Спягельской церкви,
Свенцянскаго уѣзда, *Іоаннъ Концевичъ* уволенъ отъ
мѣста.

Мѣстныя извѣстія.

29 января въ 12 час. дня Его Высоко-
преосвященство, Высокопреосвященнѣйшій
Ювеналій, Архіепископъ Литовскій и Вилен-
скій совершилъ въ Виленскомъ кафедральномъ
соборѣ, въ сослуженіи всего наличнаго го-
родского, учебныхъ заведеній, военнаго и мо-
нашествующаго духовенства, молебствіе о на-
спосланіи русскому оружію побѣды надъ вра-
гомъ. Передъ молебномъ протодіакономъ былъ
прочитанъ Высочайшій манифестъ. Во время
чтенія молитвы за Царя и русское воинство
все присутствующіе преклонили колѣни.

По окончаніи молебствія было провозгла-
шено многолѣтіе Государю Императору, Го-
сударынямъ Императрицамъ и всему Царству-
ющему Дому и христіолюбивому побѣдонос-
ному русскому воинству.

На молебствіи присутствовали все чины
военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, учащіеся
и масса молящихся.

Архіерейскія служенія. 14 декабря, минувшаго года, въ недѣлю 29-ую Св. Праотець, Его Пресвященство, Пресвященнѣйшій Сергій, Епископъ Ковенской совершилъ освященіе недавно капитально отремонтированной Сергіевской церкви, придѣла Виленскаго кафедральнаго собора, и затѣмъ божественную литургію въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея Іоанна Котовича, протоіерея Николая Догадова, протоіерея Михаила Голенкевича и священника Михаила Плисса.

— 21 декабря, въ недѣлю предъ Рождествомъ Его Пресвященство, Пресвященнѣйшій Антоній, Епископъ Вольнскій и Житомирскій (находясь проездомъ въ г. Вильнѣ) совершилъ въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ божественную литургію въ сослуженіи о. намѣстника и братіи монастыря.

Проповѣдь произнесъ священникъ Василій Соколовъ.

— 25 декабря, въ четвергъ, праздникъ Рождества, день воспоминанія объ избавленіи Церкви и Державы Россійской отъ нашествія Галловъ и съ ними 20-ти языковъ, Его Высокопреосвященство совершилъ въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ божественную литургію и положенный на сей день по особому чину молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ.

Въ сослуженіи участвовали: Ректоръ семинаріи, архимандритъ Алексій, кафедральный протоіерей Іоаннъ Котовичъ, протоіерей Михаилъ Голенкевичъ и священникъ Михаилъ Плиссъ.

На молебнѣ присутствовало все городское приходское, учебныхъ заведеній, военное и монашествующее духовенство.

Проповѣдь произнесъ протоіерей І. Волоковичъ.

— 26 декабря, въ пятницу, на второй день праздника Рождества Христова, Его Высокопреосвященство совершилъ въ домовой Крестовой церкви, по случаю храмоваго тамъ праздника, божественную литургію и послѣ оной молебенъ праведному Іосифу Обручнику въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея Іоанна Котовича и эконома Архіерейскаго Дома іеромонаха Досіея.

— 5-го января, въ понедѣльникъ, канунъ праздника Крещенія Господня, Его Пресвященство, Пресвященнѣйшій Сергій, Епископъ Ковенскій совершилъ въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ чинъ великаго освященія воды въ сослуженіи соборнаго духовенства.

— 6 января, во вторникъ, въ праздникъ Богоявленія Господня, Его Высокопреосвященство совершилъ въ Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ божественную литургію въ сослуженіи ректора семинаріи, ар-

химандрита Алексія, [протоіерея Іоанна Шверубовича, священника Луки Смоктуновича и священника Василя Гапановича.

Крестный ходъ на р. Вилію для освященія воды совершилъ Пресвященнѣйшій Сергій, Епископъ Ковенскій, при участіи всего наличнаго духовенства.

— 11 января, въ недѣлю 23-ю по Просвѣщеніи, Его Высокопреосвященство совершилъ въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ божественную литургію въ сослуженіи о. намѣстника и братіи монастыря.

Проповѣдь произнесъ священникъ А. Четыркинъ.

— 18 января, въ недѣлю Мытаря и Фарисея, Его Высокопреосвященство совершилъ въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ божественную литургію въ сослуженіи о. намѣстника и братіи монастыря.

Проповѣдь произнесъ протоіерей Евгенийъ Бѣлавицъ.

— 25 января, въ недѣлю Блуднаго сына, Его Высокопреосвященство совершилъ въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ божественную литургію въ сослуженіи о. намѣстника и братіи монастыря.

Проповѣдь произнесъ священникъ Михаилъ Плиссъ.

— 22 января преподано **Архипастырское благословеніе** Его Высокопреосвященства съ изъявленіемъ благодарности, быв. попечителю Воспитательнаго дома „Іисусъ Младенець“ коллежскому совѣтнику Ѳ. И. Иванову за труды его по обновленію храма Божія въ семь домѣ.

— **Пожертвованія.** Въ Виленскую [Новосвѣтскую] Александро-Невскую церковь въ декабрь минувшаго года поступили: отъ артели носильщиковъ г. С.-Петербурга 100 р., отъ Виленской мѣщанки Ю. М. Деревенко икона св. вил. мучениковъ въ 50 рублей, отъ оберъ-кондуктора Степена Гурина икона св. Серафима Саровскаго въ 60 руб. и отъ кондуктора Ивана Хвалько икона того же святого, въ 50 руб.

Отношеніе Литовскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта отъ 23 янв. 1904 г. за № 130-мъ.

Велѣдствіе ходатайства Литовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 16 января сего года за № 125. преподано Архипастырское благословеніе за усердную и полезную службу учителямъ и учительницамъ слѣдующихъ церковныхъ школъ: Виленской Новосвѣтской-Антону Кульчицкому и Маріи Соколовой; Звѣринецкой Анастасіи Честной; Вилейской жолѣзнодорожной Адаму Морозу, Новосвенцянской Евгениі Политаевой, Глубокской Еле-

нѣ Образцовой, Перебродской-Екатерины Баталиной, Ильской Наталіи Гвоздикиной, Дровошанской-Терентію Вутрику, Новокрасносельской-А. Кубаевской, Батуринской-А. Лешкевичъ, Королевской О. Оницукъ, Бобровской-Леониду Савицкому, Дембровской Іуліаніи Гринцевичъ, Глубокской Ольгѣ Куницкой, Михайловской-Михаилу Жабинскому, Муравьевской Борису Богушевскому, Александро-Слободской Маріи Бирюковичъ, Россіенской Елисаветѣ Розовой, Радзвилішской-Николаю Дрозду, Красногорской-Владимиру Каченовскому, Новоалександровской діакону Андронику Теодорову, Вилкомирской-Бажанову, Милашунской Григорію Романову, Жоробцовской-Осипу Пурвину, Кашицкой-Адаму Борису, Путриницкой-Емельяну Колбасичу, Плевоской-Павлу Пелеенку, Хмѣлевской-Поликарпу Суходынцеву, Благодатной-Саввѣ Ранцеву, Александровской-Михаилу Шумескому.

О вышеизложенномъ Литовскій Епархіальный Училищный Совѣтъ проситъ Редацію напечатать въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Протоколы сѣзда духовенства Литовской епархіи.

ПРОТОКОЛЬ № 2.

1903 года декабря 18 дня. Депутаты Епарх. Сѣзда имѣли сужденіе по содержанію 2-й ст. журнальнаго опредѣленія правленія Вспомогательной кассы, отъ 11-12 текущаго декабря, коей предположено выдавать на постановку памятника на могилахъ одиноко умершихъ священно и церковно-служителей по 200-150 руб. первымъ и по 50 руб. вторымъ, вмѣсто 300 и 100 рублей, назначенныхъ сѣздомъ Духовенства 17 августа сего года, что, по мнѣнію правленія, можетъ подорвать благосостояніе кассы.

Постановили: оставить въ силѣ опредѣленіе по сему вопросу сѣзда 27 августа, т. е. одинокимъ умершимъ на службѣ священнослужителямъ выдавать единовременно пособіе въ 300 рублей и церковнослужителямъ въ 100 руб. Пособіе, начиная съ 1 января 1904 года, высылать немедленно въ распоряженіе мѣстнаго благочинническаго совѣта (по удержаніи почтовыхъ расходовъ), съ обязательствомъ для него: 1) оплатить похоронные расходы, 2) устроить на могилѣ умершаго памятникъ, 3) возможные остатки употребить, соотвѣтственно волѣ умершаго, если она извѣстна, а если нѣтъ—возвратить правленію съ обязательнымъ отчетомъ въ произведенныхъ расходахъ.

На семь резолюція Его Высокопреосвященста отъ 22 дек. 1903 г. за № 2462 слѣдующая:

„Утверждается“.

ПРОТОКОЛЬ № 3.

1903 года декабря 18 дня. Депутаты сѣзда имѣли сужденіе по содержанію 3-й статьи] журнальнаго опредѣленія Правленія кассы, 11-12 декабря с. г., о томъ, чтобы участники кассы, при переходѣ съ псаломщическаго и діаконскаго на священническій окладъ, производили доплату въ кассу за время ихъ пребыванія на писемъ окладѣ, если желаютъ воспользоваться пособіемъ высшаго оклада.

Постановили: псаломщики, а равно и состоящіе на псаломщицкихъ мѣстахъ діаконы, при поступленіи во священника, должны внести дополнительную къ ихъ взносамъ съ процентами сумму по окладу священника: діаконы за предыдущее 5-лѣтіе, а псаломщики за время состоянія ихъ на псаломщ. окладѣ, не болѣе 5-ти лѣтъ.

На семь резолюція Его Высокопреосвященства отъ 22 дек. 1903 г. за № 2461 слѣдующая:

„Утверждается“.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ —

Дисненскаго у. въ с. Голубичахъ (24).

— с. Юдахъ (2).

Свенцянскаго — с. Спягль (1).

В) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ —

Дисненскаго — с. Замошья (5).

Вилейскаго — с. Лотыголи (2).

— с. Голомыслѣ (5).

Трокскаго — въ м. Меречи (4).

— въ г. Трокахъ (4).

Ошмянскаго — с. Забресьи (3).

Неоффиціальныи отдѣлъ.

И Д Е А Л Ъ

христіанскаго воспитанія.

(Продолженіе).

Мы нарочито привели отзывы выдающихся педагогическихъ дѣятелей о характерѣ и направленіи русской школы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, прошлаго столѣтія, чтобы показать, чѣмъ она была занята и какими цѣлями руководилась въ дѣлѣ воспитанія своихъ питомцевъ. Увлеченная необычайными успѣхами естественныхъ наукъ, она приковывала мысль

своихъ питомцевъ долѣ, наполняла ихъ умы знаніями преимущественно опытнаго характера, обезпечивающими внѣшнее благосостояніе человѣка, но при этомъ мало удѣляла времени на нравственное ихъ развитіе и уясненіе высшихъ религіозно-нравственныхъ запросовъ человѣческаго духа. Жизнь, однако, не замедлила разоблачить фальшь такого воспитанія. Молодое поколѣніе, воспитанное въ духѣ матеріалистическихъ ученій, выступало въ свѣтъ, правда, съ обширнымъ запасомъ опытныхъ знаній, но зато съ слабой нравственной подготовкой, каковое обстоятельство не замедлило отразиться на пониженіи общественной нравственности и равнодушіи къ вѣрѣ. „Вникая въ существующее на правленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда мысли о существованіи кромѣ земной, иной жизни, пишетъ Пироговъ. Во всѣхъ обнаруженіяхъ практической и даже отчасти умственной жизни общества мы находимъ рѣзко выраженное матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастья и наслажденіи въ здѣшней жизни. Общество твердитъ намъ: хочешь быть счастливымъ съ нами, оставь основную нравственную мысль твоего воспитанія“¹⁾.

Но всѣ надежды на индустрію и науки, отъ которыхъ ожидали необъятныхъ результатовъ, питали надежды на безостановочное и быстрое развитіе человечества, и даже горделиво мечтали при помощи ихъ завоевать, такъ сказать, небо и устроить на землѣ рай, оказались тщетными.

Скоро обнаружилась обманчивость такихъ мечтаній и преувеличенность надеждъ; векорѣ вмѣстѣ съ сладкими плодами односторонняго воспитанія появились горькіе и ядовитые: за увлеченіемъ и напряженіемъ духа послѣдовало ослабленіе его, утомленіе жизнью и разочарованіе, ярко выразившееся въ пессимистической философіи, въ умноженіи самоубійствъ и уопомѣшательствъ.

Чрезмѣрное увлеченіе эмпиризмомъ и въ наукѣ, и въ школѣ своими печальными послѣдствіями, такимъ образомъ, дало обществу ясно понять всю гибельность свою.

Наступило время отрезвленія. Поднять былъ вопросъ о гуманитарной школѣ и началась старая борьба классицизма съ реализмомъ, кончившаяся сдѣлкой, по которой узаконены были и классическія и реальныя школы. Но эта сдѣлка была только примиреніемъ. Въ существѣ же дѣла и тѣ и другія подѣ влияніемъ контовскаго механическаго міровоззрѣнія, позитивизма и новѣйшаго матеріализма, съ настойчивостію про-

дили взглядъ, что единственно твердымъ, плодотворнымъ и настоящимъ знаніемъ нужно считать только то, что добыто въ наукѣ посредствомъ опытнаго метода, или что основано на точномъ изученіи возможно большаго числа фактовъ, а потому и силы учащихся направлялись главнымъ образомъ на изученіе и объясненіе этихъ фактовъ. То-же, что стоитъ выше дѣйствительности, чего мы не видимъ собственными глазами, но къ чему душа человѣческая инстинктивно тяготеетъ всемъ своимъ существомъ, не находило себѣ не только должнаго разъясненія, но и должнаго мѣста въ школѣ. Правда уроки Закона Божьяго существовали и въ тѣхъ и другихъ школахъ, на которыхъ законоучитель доказывалъ своимъ юнымъ слушателямъ бытіе иного міра, сверхчувственнаго и духовнаго, раскрывалъ предъ ними цѣлую область моральныхъ запросовъ и требованій человѣческаго духа, говорилъ имъ о братской любви во имя Христа и т. д.; но судите сами: могли-ли они возбуждать у питомцевъ серьезное вниманіе и имѣть должное влияніе на ихъ религіозно-нравственное развитіе, когда самый предметъ по правиламъ 1872 г., въ системѣ классическаго образованія, не былъ даже причисленъ къ главнымъ предметамъ и въ теченіи цѣлыхъ 20 лѣтъ трактовался, какъ предметъ второстепенный? Скажу даже болѣе этого. Какъ второстепенный предметъ, онъ далеко не воздѣ пользовался и должнымъ уваженіемъ. Покойный преосвященный Никаноръ, арх. Херсонскій, съ горькимъ сокрушеніемъ рассказываетъ о томъ, какъ однажды ему лично на испытаніи по Закону Божию въ двухъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ ясно и четко было заявлено, что этотъ предметъ здѣсь *не уважается*¹⁾. Само собой разумѣется, что при такой постановкѣ дѣла, даже самый добросовѣтный законоучитель съ величайшимъ трудомъ могъ добиться результатовъ на поприщѣ религіозно-нравственнаго развитія учащихся. И это надо сказать тѣмъ болѣе, что въ огромномъ большинствѣ другіе сотрудники его считали себя совершенно свободными отъ нравственно-воспитательныхъ обязанностей. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, сколько каждый изъ нихъ имѣлъ случаевъ и поводовъ для бесѣды съ учащимися развивательнаго характера, такъ какъ нѣтъ такого предмета, который не имѣлъ-бы хотя косвеннаго отношенія къ человѣческой жизни, и слѣдовательно, къ вопросамъ этики. Кажется, что общаго между химіей и этикой? И однакоже покойный профессоръ А. Н. Энгельгардтъ, читая свои лекціи, умѣлъ химическія формулы и реакціи сопоставлять съ жизнью общества и сопровождать свои сопоставленія

1) Пироговъ. Ibid, стр. 8.

1) Архiep. Никаноръ. Собраніе поученій т. I, стр. 448.

замѣчаніями чисто нравственнаго характера. Взгляните, далѣе, на учебникъ химіи профессора Менделѣева, и вы найдете въ немъ разсужденіе о безнравственности налога на соль и попутное изложеніе нѣкоторыхъ положеній, касающихся политико-экономической жизни человѣка. А что сказать о другихъ наукахъ? Сколько, напримѣръ, разумное изученіе русской словесности дасть поводовъ учителю во время преподаванія входить съ учащимися въ объясненіе вопросовъ общественной и личной нравственности? Уже одно изученіе образцовъ русской литературы развѣ не дасть тысячи поводовъ къ раскрытію учащимся истинно человѣческаго идеала въ жизни, къ разъясненію отношеній человѣка къ человѣку, человѣка къ обществу и государству? Точно также и другіе предметы, какъ исторія, географія, отчизновѣдніе, законовѣдніе, естествознаніе и т. д., при желаніи и ясномъ пониманіи задачъ истинной педагогики, развѣ не могутъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для бесѣдъ съ учащимися нравственно-воспитательнаго характера? Къ сожалѣнію, эта важная сторона школьнаго дѣла и по нынѣ не только остается въ забвеніи, но что досаднѣе всего—обособленное умственное и нравственное образованіе въ русской школѣ находитъ себѣ даже поощреніе и странное оправданіе. Послушайте, напримѣръ, что пишетъ Л. Н. Толстой о школьномъ воспитаніи. „Школа, пишетъ онъ, должна имѣть одну цѣль передачу свѣдѣній и знаній, не пытаясь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованій и характера; цѣль ея должна быть одна—наука, а не результаты ея вліянія на человѣческую личность... Всѣ воспитательныя задачи должны быть устранены изъ школы и образованія, потому, что воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ, не плодотворно, не законно и невозможно: правъ на воспитаніе, правъ одного человѣка, или небольшого собранія людей дѣлать изъ другихъ то, что хочется, не существуетъ. Воспитаніе есть насиліе, есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму; его основаніе есть произволь, образованіе же свободно и разумно“¹⁾.

Читаешь и дивишься тому, какимъ образомъ эти неосторожныя, чтобы не сказать болѣе—парадоксальныя мысли (неосторожныя) могли выйти изъ подъ пера такого великаго—писателя—беллетриста, какъ графъ Толстой? То, что съ колыбели своей человечество всегда считало предметомъ своихъ первыхъ заботъ, по отношенію къ дѣтямъ, на что—тратило и тратитъ лучшія свои силы, то клеймится имъ позор-

ными именами насилія, произвола и деспотизма. Но въ такомъ случаѣ и умственное развитіе дѣтей, съ точки зрѣнія графа, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть названо умышленнымъ формированіемъ людей и слѣдовательно, произвольнымъ и насильственнымъ, такъ какъ мыслительныя способности учащихся обыкновенно развиваются по извѣстнымъ образцамъ, по опредѣленнымъ учебнымъ рецептурамъ, методамъ и т. д.

Нѣтъ: истинный идеалъ человѣческаго образованія состоитъ въ развитіи всѣхъ дарованныхъ человѣку способностей, всѣхъ его высокихъ и благородныхъ стремленій, а не въ развитіи только однихъ мыслительныхъ способностей человѣка, какъ думаетъ графъ. Каждому, думаемъ, понятно до очевидности, что человѣкъ есть цѣльный организмъ, а если такъ, то и образованіе въ большей или меньшей степени должно дѣйствовать на всего человѣка, на всѣ его душевныя силы и улучшать его въ цѣломъ, а не частью. Поэтому не школьное воспитаніе, а обособленіе воспитанія отъ умственнаго образованія во время прохожденія учащимся школы является дѣломъ насильственнымъ, болѣзненно отражающимся на всемъ какъ въ душевномъ складѣ, такъ и въ вѣншемъ поведеніи его. „Само собою разумѣется, пишетъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ Гольцевъ, что школа не должна брать на себя непосильной задачи дать своимъ воспитанникамъ стройное и законченное міровоззрѣніе. Такое воззрѣніе складывается не въ среднемъ учебномъ заведеніи, и не одна школа принимаетъ участіе въ его образованіи. Но общія гуманитарныя воззрѣнія, должны быть заложены въ душу ученика еще въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ проходитъ общеобразовательный курсъ. Безъ этого условія обученіе не доставитъ большой пользы. Одно приобрѣтеніе свѣдѣній не отразится благотворнымъ образомъ на всемъ складѣ ума и привычекъ человѣка; каждый изъ насъ знаетъ много примѣровъ, какъ люди обладающіе громадными, но узко-спеціальными знаніями, остаются людьми необразованными, тупыми, лишенными жизненнаго такта и нравственной устойчивости“¹⁾. Въ послѣднее время, впрочемъ, все сильнѣе и живѣе стала сознаваться вся неестественность и вредъ обособленнаго положенія въ школѣ умственнаго и нравственнаго образованія; при чемъ время отъ времени появляются проэкты, въ которыхъ умственное и нравственное образованіе поставлены въ тѣсную органическую связь. „Въ послѣднее время, пишетъ современный нашъ педагогъ Каптеревъ обособленное положеніе умственнаго и нравственнаго образованія привлекаетъ къ

¹⁾ А. Толстой. Сочиненія т. 4-й стр. 146—190.

¹⁾ Гольцевъ В. *Воспитаніе, нравственность и право*. М. 1897 г. стр. 73—74.

себѣ вниманіе; недостатки такого положенія строя школъ начинаются сознаваться съ достаточною живостью. Появляются прокляты, какъ помощь горю, въ которыхъ отчетливо выражается сознание укороеннѣшагося зла“¹⁾. Такъ, тѣсная связь между знаніемъ человѣческимъ и моралью, съ такою ясностію еще 19 вѣковъ тому назадъ провозглашенная съ креста на Голгофѣ словами: „не вѣдятъ бо, что творятъ“ (Лук. 23, 14), и выраженная устами Гуса съ пылавшаго костра восклицаніемъ — *sancta simplicitas*, насильственно разрывалась, разрывается, къ сожалѣнію и досель.

Неудивительно послѣ этого, если современная молодежь, выступая въ жизнь уже въ зрѣломъ возрастѣ, чувствуетъ себя, такъ сказать, на легкѣ, почти безъ всякаго нравственнаго багажа и легко поддается всякаго рода „вѣтру учений“, безпочвеннымъ доктринамъ, каковое обстоятельство въ общественномъ смыслѣ является дѣломъ уже крайне опаснымъ. Вотъ почему въ переживаемую нами эпоху безконечныхъ толковъ о школьной реформѣ настаетъ время серьезно подумать о коренной реформѣ и школьнаго воспитанія, давнымъ давно нуждающейся въ лучшей и болѣе правильной постановкѣ, при которой бы школа выпускала въ жизнь не умныхъ только, но людей съ достаточною нравственной подготовкой; ибо при этомъ только единственномъ условіи общество и можетъ разчитывать на умноженіе въ средѣ своей истинныхъ людей.

Но болѣзняя о многихъ нравственныхъ явленіяхъ современной общественной жизни, правы-ли мы будемъ, если всю отвѣтственность за нихъ станемъ возлагать на школу. Конечно нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что школа принимаетъ человѣка на свое попеченіе далеко не съ самыхъ первыхъ лѣтъ его младенческаго возраста; да къ тому же, онъ вступаетъ въ нее совѣмъ не какъ *tabula rasa*, но съ разившимися уже въ значительной степени нравственными качествами въ томъ или другомъ направленіи. Семь, восемь, а иногда и болѣе, первыхъ лѣтъ жизни человѣка стоятъ, такимъ образомъ, внѣ всякаго вліянія школы. Этого мало: даже и тогда, когда дитя становится ея питомцемъ, школа не овладѣваетъ имъ всецѣло, она беретъ его подъ свой надзоръ и попеченіе лишь на извѣстное количество учебныхъ часовъ, а во все остальное время не имѣетъ ни обязанности, ни возможности наблюдать за нимъ и подчинять его своему непрерывному руководству. Во все означенное время, будущій человѣкъ и гражданинъ, такимъ обра-

¹⁾ Каптеревъ П. „Новая русская педагогія“ С.-П. 1898 г. стр. 105.

зомъ, растеть на попеченіи своей родной семьи. На ней то вотъ, т. е. на этой семьѣ и лежитъ прежде всего святое призваніе сдѣлать своего ребенка чело-вѣкомъ; она первая полагаетъ начало его воспитанію и въ ея власти, слѣдовательно, дать ему то или другое направленіе. Какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, такъ не менѣе того и въ дѣлѣ воспитанія, „вполнѣ приложимо мудрое изреченіе древняго поэта: *dimidium facti habet, qui bene coepit*, т. е. доброе начало половина дѣла. Это то доброе начало всецѣло и зависитъ отъ семьи.

Долгимъ педагогическимъ опытомъ дознано, что раннія впечатлѣнія семьи такъ крѣпко и глубоко залегаютъ въ дѣтскую душу, что остаются въ чело-вѣкѣ на всю его послѣдующую жизнь и отражаются во всей его дальнѣйшей дѣятельности. Еще Амосъ Коменскій говорилъ, „что въ первые шесть лѣтъ полагается основаніе всему тому, чему учатся дѣти въ жизни“.

Главная причина этого заключается въ томъ, что эти впечатлѣнія являются первыми въ жизни и падаютъ на дѣвственную, въ высшей степени воспримчивую почву, когда умъ и сердце дитяти только что пробуждаются въ дѣятельности такъ сказать, съ жадностію ловятъ себѣ пищу. Къ тому же тотъ же опытъ подтверждаетъ, что дѣти въ высшей степени склонны къ подражанію. Уже упомянутый нами творецъ европейской педагогики въ своей Великой Дитактикѣ, между прочимъ, пишетъ: „дѣти, какъ обезьянки: они даже безъ всякаго побужденія любятъ подражать всему, что видятъ — и хорошему и худому. Они даже учатся подражать ранѣе, чѣмъ познавать. Я разумѣю при этомъ какъ живые примѣры, такъ и заимствованныя изъ исторіи. Преимущественно, впрочемъ, живые, такъ какъ послѣдніе дѣйствуютъ непосредственнѣе и сильнѣе“¹⁾. Понятно послѣ этого, съ какою осторожностію и съ какимъ глубокимъ вниманіемъ должны родители относиться ко всекъ своимъ словамъ и поступкамъ. Эту то осторожность и осмотрительность въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей всегда и обнаруживала древне-христіанская семья. Вотъ какъ, на примѣръ, устами поэта древняя христіанка говоритъ намъ о своей семьѣ:

„Мужъ мнѣ говаривалъ не разъ:
Не мы дѣтей, насъ дѣти учать
И довоспитываютъ насъ!
При нихъ не сдѣлаешь, не скажешь
Отецъ, не поглядѣвъ впередъ,

¹⁾ Вахтеровъ В. „Нравственное воспитаніе и начальная школа“. стр. 54. М. 1901 г.

Вѣдь съешь сѣмя! То взойдетъ,
Что въ сердцѣ съ дѣтскихъ дѣтъ заля-
жетъ“¹⁾).

Но этой то осторожности очень часто не достаётъ намъ. Въ жизни общественной, въ мѣстахъ своего служенія, мы обыкновенно строго слѣдимъ за собою, чтобы не сдѣлать и не сказать чего либо; но возвратившись домой, въ семью свою, мы прежде всего, спѣшимъ сбросить съ себя утомительную личину всякихъ стѣсненій и, увы, очень часто являемся въ этомъ нравственно-обнаженномъ видѣ далеко не приглядными.

Нерѣдко позволяя себѣ не совсѣмъ скромное празднословіе, а иногда осужденіе и злословіе ближнихъ, мы забываемъ, что въ домъ находимся не одни, что на насъ пристально смотрятъ дѣти и съ жадностію ловятъ каждое наше слово. Не выходитъ ли потому часто, что мы даемъ имъ камень въ то время, когда они ждутъ отъ насъ хлѣба? Отчего, скажите вы, въ настоящее время все чаще и чаще слышатся жалобы на то, что съ современными дѣтьми ладить чрезвычайно трудно даже самому идеальному воспитателю? Не отъ того ли, что дѣти наши очень часто выходятъ изъ семьи съ плохою нравственною подготовкою и бываютъ крайне не дисциплинированными въ нравственномъ отношеніи, а потому требуютъ массы терпѣнія, много такта, наконецъ, желѣзныхъ нервовъ для того чтобы упорядочить ихъ волю, отучить ихъ отъ капризовъ и прихотливаго своеволія? А между тѣмъ эта же самая семья иногда предъявляетъ къ школѣ свои слишкомъ строгія требованія; всѣ недостатки воспитанія она, обыкновенно, сваливаетъ на школу, тогда какъ и сама бываетъ повинна въ этихъ недостаткахъ. Какъ, напримѣръ, можно оправдать хотя бы ту безпечность родителей, которую они часто обнаруживаютъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ въ дѣлѣ религіознаго и нравственнаго ихъ воспитанія, и которая

сопровождается столь горькими для нихъ послѣдствіями въ жизни? Быть можетъ кому либо изъ Васъ приходилось читать, или же видѣть на сценѣ пользующуюся въ наше время столь огромнымъ успѣхомъ драму подъ скромнымъ заглавіемъ „Дѣти Ванюшина“²⁾). Какая истинная правда изображается въ ней! Присмотритесь къ ней поближе. Ванюшины—это типичнѣйшая современная семья, въ которой подъ маской наружной благопристойности и даже патріархальности скрывается глубокая нравственная разнузданность. И ужъ, конечно, не школа виновата въ томъ, что изъ дѣтей Ванюшина вышли или жесткіе и сухіе эгоисты, или просто безнравственные люди. Напротивъ: въ семьѣ Ванюшина дѣти школьнаго возраста—гимназистъ Алексѣй, и гимназистка Аня и Катя оказываются гораздо лучше и чище другихъ старшихъ дѣтей, уже окончившихъ со школою, хотя и у этихъ подростковъ, подъ вліяніемъ лжи, и притворства, которыя свили себѣ прочное гнѣздо въ ихъ семьѣ, начинаютъ постепенно развиваться дурныя наклонности. А вотъ и развязка этой драмы. Пораженный крайнею распущенностію своихъ дѣтей, отецъ-старикъ въ отчаяніи спрашиваетъ ихъ: 30 лѣтъ я дождался васъ, дѣти, откуда вы такіе? Сверху, папенька, сверху, съ злою проницей отвѣчаютъ ему дѣти, подразумевая подъ этимъ верхомъ второй этажъ дома, въ которомъ жили они на попеченіи нянекъ и приставницъ, безъ всякаго родительскаго призора. Халатность и безпечность въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, однако, жестоко отметили за себя. Разочарованный своими дѣтьми, отецъ въ отчаяніи трагически кончаетъ свою жизнь: онъ рѣшается наложить на себя руки.

(Окончаніе будетъ).

²⁾ Драма эта написана въ недавнее время г. Найденовымъ.

¹⁾ Майковъ „Два міра“.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи.
Архимандритъ Алексій.

Помощникъ Редактора, Инспекторъ Семинаріи,
Гермонахъ Антоній.